

DOI: 10.15643/libartrus-2017.1.1

Понимание текста: гносеологический анализ

© В. В. Ильин

*Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
Россия, 105005 г. Москва, 2-я Бауманская улица, 5, стр. 1.*

Email: vvilin@yandex.ru

Феноменологически понимание реализуется как двутактный акт введения (приписывание) и установления (расшифровка) знаковых смыслов. Тематизацией понимания как мыслительной процедуры занимается семантика. С формальной стороны дело выглядит так, что знаки (слова, фразы, высказывания) – ассоциации, популяции абстрактных символов – должны транслироваться на содержательный язык, получать семиологическое, предметное, смысловое удостоверение. В задачу семантики и входит отработка правил перевода знаковых выражений с символического языка на язык лексико-предметно-понятийный, – ответственное движение от абстрактной символизации к конкретной идентификации. Идентификации тройкой: – семиологической (конституируемая социальностью – опыт общения – сигнификационная ценность символических форм); – предметной (реификация знаков); – смысловой (мыслительная тематизация, концептуализация знаков). Процедура установления смысла – не семиотическая; смысловые, истинностные характеристики языковых выражений конституируются обращением к нелингвистическим значениям, аккумулятирующим «сверхфазовую», «затекстовую» информацию о мире. Все решает связывающая язык и предметное мышление материальная соотносимость, вещественная координированность символическости с субстантивностью.

Ключевые слова: *текст, понимание, смысл, значение.*

Понимающее сознание «набрасывает» на форму свою понятийно-категориальную сеть, сканирует при помощи идентифицирующего метода существо текста [1, с. 101]. Текст – упорядоченное множество языковых и неязыковых единиц, лингвистических, логических, предметно-смысловых отношений. Одни определяются морфологическими, лексическими, композиционными, другие – структурно-онтологическими связями. Одни корреспондируют фактам, другие – артефактам.

Языковая данность. По мнению Потебни, «мысль наша по содержанию есть или образ, или понятие; третьего, среднего между тем и другим нет» [6, с. 140]. В контексте нашей сюжетики со столь категоричным суждением признанного авторитета мы позволим себе не согласиться. Третье – опосредующее есть, и это – чувственное понятие: сенситивно данная концептуально нагруженная словоформа.

Во-первых, словоформы циркулируют в речи – звуковом выражении мысли, – следовательно, имеют тон, который трансформирует смысл-значимость.

Во-вторых, словоформы несут специфицирующую морфологическую, грамматическую, лексическую определенность.

В-третьих, словоформы обслуживают общение, – генерируются в учете соотношенности высказываний с экзистенциальными ситуациями, транспонируемыми речевыми актами.

Отмеченное не может не сказываться на статусе словоформ, – со всеми онерами – качеством интоном, морфем, лексем, синтаксем – представляющих чувственно данные образы-понятия.

Интонаемы (просодия). Сочетание звуков разной высоты создает интонационное богатство; звуковысотное соотношение тонов в определенной последовательности оформляет темп, ритм, лад, такт, придает динамические оттенки, штрихи характеру звукоизвлечения, олицетворяет взаимное тяготение звука и слова, через нюансировку тембра, обертоники, экспрессии варьирует подачу содержания, вызывает особенности переживания воспринимаемых сообщений. Так складываются звуковысотные смысло-значения. Находя прямое воплощение в различных формах практически-духовного, последнее оттеняет их назначение: лирика – непосредственное сближение поэзии и музыки в звучащем слове; романс, напевная речь в вокально-музыкальном произведении; религиозный силлабический речитатив, утрирующий ассонансы, консонансы вводимых нараспев фраз, возбуждающих не семантические, а эстетические эффекты (ср.: искусство гомилетики); театр (каскадный синтез литературы, музыки, действия, живописи). Таким образом, налицо синергизм, влекущий образо-понятийные, чувственно представленные значения и смыслы, актуализирующие идею эстетической смыслообразной информации. Сугубо инструментальными (фоносемантическими) способами оттенения просодем помимо упомянутых ассонансов, консонансов являются афереза, апокопа, синереза, систола, эпентеза, диереза, протеза, парагога, элизия, метаплазм, синкопа, стяжение, диссимилиация, лениция, метатеза, редукция, диссонанс, аллитерация, анакруза.

Морфемы, граммы, лексемы, синтаксемы (структура высказывания). Имеются формальные требования сопряжения, преобразования языковых форм. Определяющая функция одного существительного относительно другого выражается морфемой (родительный, дательный падежи). Существительные, имена собственные, местоимения третьего лица в формах мужского рода *ex definitio* (морфологически, грамматически, лексически) несовместимы с глаголами женского рода (сказанное относится и к другим морфологическим и т.д. категориям русских глаголов – лицу, числу, времени, виду, наклонению, залогу). Нельзя высказать: он (мужчина, Вася) выпила молоко. Аналогично замещением «молока» не может быть парадигматически релевантная «картошка». «Картошку» нельзя «выпить»; лексически она несовместима с используемым глаголом. В элементарном речевом акте увязывается сопряжение словоформ по исходным грамматическим, лексическим признакам, преднастраивающим понимание.

Понимание суть содержательное упорядочение, мыслительная регуляция, установление пределов в нормировании. Обязывающие понимание синтагматические отношения, перекрывающая масштаб высказывания, непреложно нормируют рассчитанную на социальное восприятие самореализацию. Та же одежда. Схематически костюмное покрытие тела возможно представить совокупностью трех компонентов: головной убор, платье, обувь, образующие семиотически законченное «материальное высказывание» [4, с. 176]. Каждый компонент представляет парадигматический класс, утилизацию элементов которого проводит выбор. Как и в случае с языковым высказыванием, практическая цель не достигается «употреблением объекта из одного класса во всех трех позициях»: нельзя одеться в три шляпы или в три костюма; «подобно тому, как в предложении центральной частью является глагол, так и в комплексе одежды основной является центральная часть, особенно та, что покрывает нижнюю часть тела. Не случайно древнерусское... пѣрть (мн. пѣрты), обозначавшее платье, одежду в целом... сохранилось в слове порты (портки), означающее «штаны» как важнейшую часть одежды. Вместе с этим, подобно тому как в предложении может отсутствовать какой-либо компонент,

так и в наборе одежды может отсутствовать... головной убор или обувь. Но самое существенное – синтагматические отношения между компонентами одежды. Они выбираются не только по парадигматическим (функциональным) критериям, таким как погода, пол, характер деятельности... но с обязательным учетом синтагматической совместимости. Как и в сфере языковых элементов, здесь выбор зависит от национальных, социофункциональных и индивидуальных установок и предпочтений» [4, с. 176–177].

«Синтагматическое» нормирование, ранжирование интеракции идет по магистралям традиции, обычая, предания, уклада, порядка, правила, приказа, моды.

Выбивание из синтагматического канона упаковывается в поведенческие ниши социального диссидентства, чудачества, оригинальничанья. В любом случае самозаявление личности, практикующей ношение «шляпы на панаму», выход в свет с ирокезом и перьями вместо гражданского обличья, вызывает неодобрительное недоумение.

Коммуниканемы (стихия общения). Актами речи налаживается межсубъектный контакт; ориентация на реципиента (акцептора, адресата) реализует конотативную функцию языка, имеющую лексико-грамматическое выражение. Учет встроенности высказываний в поток речевого производства влечет соотнесение их с ситуациями речевых актов. К существованию статусов актантов, социальных ролей, каналов передачи сообщений, целей взаимодействия, предметов обмена деятельностью приурочиваются функционально-грамматические формы, демонстрирующие связи языковых средств с актами речи.

В значительной мере утрируется коммуникативная интенциональность: не что, а как и кем высказывается. Последнее радикализует определенность формально-грамматических и позиционно-ролевых признаков, имплицитных признаки лексико-семантические. Здесь – виды субъектности, модальности, контактности и т.п., актуализирующие типы общения в зависимости от установок коммуникации. Якобсон вводит 6 основных функций языка в отношении интенций:

- центрирование адресанта – эмотивность, эгоцентричность;
- центрирование адресата – конотативность, кооперативность;
- центрирование формы сообщения – поэтичность, мелодичность;
- центрирование системы языка – металингвистичность;
- центрирование реальности – денотативность, когнитивность;
- центрирование контактности – фатичность.

К функциональным целям, задачам – средства. Идея агенса передается влияющими на предметы субъектами действия; выражение импресии – не оценивающими причины происходящего безличными глаголами; фиксация степени активности субъекта – прямолинейными конструкциями (встретить кого-то; стучать в дверь), конструкциями с косвенным дополнением и возвратным глаголом (встретиться с кем-то; стучаться в дверь). Аналогично – с местоименным супплетивом «Я» (именительный падеж) – «меня» (родительный падеж). Демонстративны функциональные замены глаголов в модусе, отображающие позицию говорящего: «я слышал, как» – прямое отношение к фактам; «я полагаю, что» – рефлексия фактов; «я получил информацию, что» (так говорят) – отношение к фактам через вторые руки. (Сопадение диктума и модуса – непосредственное речеобразование: «клянусь», «прошу», «благодарю»). Здесь же – окказиональная привязка текста – использование узуса, эллипсиса, эффемизма, плеоназма, интонации, жестикюляции.

Сказанное подводит к убеждению: исходный материал высказываний в скрытых интенциях, пресуппозициях коммуникантов предопределяет внутреннюю организацию акта речи. Последнее характеризуется классическим триединством места, времени, действия. Система обращений, глаголов, междометий (эй; скажите; у меня все; далее и т.п.) конфигурирует общение, – номинативно и экспрессивно детерминирует начало, развертывание, завершение речевого действия.

Неязыковая данность. Языковые элементы – имена, – в предельности гиперонимы – категориальные схемы – задают капитальные символические образы действительности, крепящиеся на условности абстрагирования, выборочности подбора признаков, специфике идеализации свойств предметов. Символический образ есть идеограмма [7], вводящая понятие мира способом его выстраивания. Инструменты – последовательно сопряженные, взаимосообразованные ряды языковых мыслительных фигур – морфологических, лексических, синтаксических, фразеологических единиц и схем их связывания в композиции. Говоря строго, речь идет о симбиозе: выразительные и истолковательные формы маршируют плотно сбитой шеренгой взаимопроникающих грамматических и герменевтических комплексов.

Симбиотичность данного процесса совершенно четко передается эпитетом «соразмерный» – лексические и семантические ядра идеограмм сообразованы. Взять древнекитайскую картину (идеограмму) сущего, – она выстраивает мир чередой бинарных стихий «ли – ци», «инь – янь», имеющих представленность в гиперонимических оппозициях свет – тьма; вода – огонь; активность – пассивность; небо – земля; целое – часть (гексограммы Ицзин). Семантическое ядро модели мира: взаимодействие двух чередующихся во времени и противопоставленных в пространстве принципов, вступающих во взаимодействие и противоборствующих атрибутов, – корреспондирует лексическому ядру; на уровне словесного стиля, поэтического канона отображается языковым параллелизмом – симметрическими соответствиями, чередованием бинарных структур в синонимических, антитетических, синтетических сообразованиях.

Корреляция «дух языка – дух мысли» и *vice versa* находит общегносеологическую тематизацию в идеологии логико-лингвистической структуры мышления, осуществляющего типологические символические акты. К ним относятся стереотипные операции идентификации элементов действительности (операции, призванные наращивать ориентировочный и шире – адаптационный потенциал) на базе установления отношений сходство – различие, подчинение – соподчинение, соединенность – отъединенность, близость – удаленность и т.п.

Конкретное понятийное воплощение данных совершенно обязательных процессов – развертывание категориальных схем – гипонимо-гиперонимическое сопровождение, имплицитное сценорафизацию сущего. Наиболее естественной – в смысле ближайшей вариацией версификации сущего стал антропоцентризм, выставивший человека мерой всех вещей, центром мира. Устройство поднебесной сопоставляется с устройством тела. Отсюда центрация лексем голова («верх»), подножие («низ»), утроба («внутри»), палец, локоть, стопа (масштаб), минута ходьбы, глаза в глаза, ноздря в ноздю («близко») и т.д. С коррелятивными семемами (ограничимся «головой»): голова поезда; позор на голову, схватиться за голову (ужаснуться); с высоко поднятой головой (гордость); пустая голова (глупость); не бери в голову (беззаботность); без головы (неразумность); с головой (ум); горячая голова (сумасброд); городской голова (должность); идти в голове (впереди); голова сахару; на голову выше (превосходство); на мою голову (ответственность, беда); в первую голову (очередь); выдать с головой (обнару-

жить); намылить голову (отчитать); отвечать головой (нести ответственность); потерять голову (растеряться); повесить голову (уныние); из головы вон (забыть); головы не жалеть (до конца); о двух головах (риск); с больной головы на здоровую (валить); голова болит (беспокойство); с головой уйти (погрузиться); с головы до пят (полностью); снять голову (безысходность); через голову (минуя); сесть на голову (бессовестность); сам себе голова (самодостаточность).

Таким образом, имя в системе языка окутано плотным облаком элементарных сценических смыслов – семем (семантем) – соответствующих различным релевантным ситуациям чертам. Пропозиции: он сел за стол; он сел за книгу (ср.: он сел на стул) – оттеняют ведущие парадигматические отношения, семантизируемые как пресуппозиции коммуникации. Последние есть множество предварительных знаний коммуникантов о ситуациях речи, предметах изречения, опирающихся не на лингвистические, а материальные, субстанциальные связи. Они-то – знания о мире – и образуют неязыковую данность, которая предрешает осмысленность речевой деятельности.

Детерминированность речепроизводства знанием о мире просматривается в основных признаках пропозиций:

- ситуативность (артикуль, компрессия, эллипсис, узус и т.д.);
- интенциональность (прагматическое значение высказываний);
- информативность (предикация диктума);
- селективность (совместимость семем тотальная и локальная: «круглый квадрат»; «прийти» и «привели»; «обед» – пища и время принятия пищи);
- избирательность (предикация модуса; порядок слов, чередование тем и рем – «я еду в Лондон», «в Лондон я еду», «еду я в Лондон»; реализация коммуникативного задания, выражения эмотивности и т.д.).

Слова (имена, номинации) удовлетворяют потребность именованья, обозначения, выражения. Как языковые данности они отвечают функциональности формы (адекватность интоном, морфем, лексем, грамем, синтаксем). Как неязыковые данности они отвечают функциональности содержания – отнесенность к знанию о мире («осел» – животное и человек).

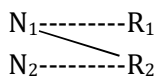
Подобная отнесенность суть эффект довольно тонкой операции отнесения, состоящей в подведении именуемого в речи объекта, исходя из выделяемых в нем признаков, под конкретное понятие. Разъяснение подводит к выводу: имя (номинация) связывает языковой элемент (знак) с понятием (концепт), с которым коррелируется класс предметов (денотат). Во второсигнальной – символической стихии – знак и предмет опосредованы смыслом. Именно на этом основании различают имя (означающее) и предмет (означаемое), связанные друг с другом смысловым образом. Непрозрачность отношения знака к действительности (через смысл) ставит свои трудности, преодоление которых усматривается в створе уяснения предметных и смысловых параметров имен.

Предметная данность. Номинация (имя) соотносит языковой элемент с обозначаемым объектом. В логике отношение «имя – объект» осваивает теория референции. В лингвистике существом данного отношения озабочиваются семасиология, выясняющая, на что указывает имя, каково его значение, и ономазиология, уточняющая, как объекты получают название (номинацию). Относительно сложной проблемой референции оказывается проблема: имя может иметь одно значение (денотат), в то время как один предмет может иметь ряд (больше одного) наименования.

Проблемное ядро теории референции, следовательно, передается вопрошанием: как различные имена могут быть (предметно) идентичными? Острота вопрошания существенно приглушается с учетом того, что имена обозначают не сами по себе предметы, а понятия (что и провоцирует языкотворчество). Действительно, семантические отношения между именами (номинациями) удовлетворяют не предметным, а понятийным отношениям. Последние в свою очередь вступают в многогранные связи, фиксируемые логическими операциями включения $A \subset B$: A включается в B , если каждый элемент A в качестве элемента входит в B ; пересечение – образование новых множеств в составе элементов, общих пересекающимся множествам A и B : $(A \cap B) \sim AB$; исключения – A и B несопоставимы. «Два разных наименования одного и того же денотата, – итожит В. Г. Гак, – могут соотноситься как конкретное и абстрактное (отношение включения), прямое и переносное, метонимическое или метафорическое (отношение пересечения), они могут различаться по избираемой семантической оси (отношение исключения) и т.п.» [4, с. 221].

Дело может быть представлено так. Языковая форма N_1 обозначает предмет (денотат) R_1 ; N_2 - R_2 . Тогда конфигурации N_1R_1 ; N_2R_2 суть прямые (первичные) номинации. Между N_1 и N_2 как языковыми формами и обозначаемыми ими предметами и понятиями и R_1 и R_2 могут оформляться разнородные связи, ввиду чего имя N_1 способно использоваться обозначением R_2 : образуется конфигурация N_1R_2 , толкуемая как косвенная (вторичная) номинация.

Возникает графический образ

Трансформированная (косвенная) номинация «проявляется в семасиологическом плане ($R_1N_1R_2$: наименование N_1 используется для обозначения R_2 вместо того, чтобы обозначать только R_1) и в ономасиологическом плане ($N_1R_2N_2$: для обозначения R_2 используется N_1 вместо N_2) [4, с. 221–222].

Прерыв прямой номинации N_1R_1 означает парадигматически возникновение переносов в употреблении слов – N_1R_2 ; синтагматически – десемантизацию N_1 (языковой элемент более не несет собственной семантической нагрузки, выступает средством организации языковых знаков), который самостоятельно не обозначает комплексов действительности, соотносится с миром, образуя сочетание с другим прямым обозначением $N_1N_2 \leftrightarrow R_2$ [4, с. 221–222] (соединение двух типов косвенной номинации влечет появление фразеологизмов $N_1N_2 \leftrightarrow R_3$). Косвенная номинация в лексике суть метафорика (индукция метонимических, фразеологических, десемантизированных фигур); в морфологии – использование частей речи и их категорий в несобственном значении; в синтаксисе – изменение актантной структуры предложения, использование сочинения вместо подчинения и т.д.

Между тем в отличие от логики и лингвистики гносеология интеллектуально беспокоится о конечном пункте знаковой ситуации: соотносении имени с реальностью. Ввиду символической природы знаковой сущности напрямую сопоставить имя с предметом невозможно; сопоставляются однопорядковые, соположенные ситуации. Способом установления рядоположности имен – выразительно нарочитых когнитивных образований с реальными предметами (фрагментами сущего) – служит перевод предметов в репрезентирующее референциальное измерение – значение понятий; имена коррелируются не с предметами самими по себе (под любым именем не предмет, но класс предметов), а с образными заместителями предметов – когнитивными значениями.

Имя нарицательное «стол» в традиционной лексике означает: предмет мебели; предмет специального оборудования; пища; отделение в учреждении с особым кругом дел; престол, княжение. В качестве основного значения имеет: «широкая доска на опорах». Обобщенный интегрированный признак стола согласно основному значению состоит в причастности к мебели – в противоположность немебели. Дифференциальный признак стола по сетке сопряжения значений обособливает стол внутри предметов мебели – отграничивает его от мебельных нестолов – стульев, табуреток и т.д.

Не составляет труда заметить: (1) «семантический признак эксплицирован гипонимическими, т.е. инклюзивными отношениями, благодаря которым происходит включение более низкого класса (стол. – *В. И.*) в более высокий класс классов (мебель. – *В. И.*), т.е. категорий» [8, с. 57]; (2) «отличительный признак каждого класса предметов манифестируется в противопоставительных парадигматических отношениях слов» [8, с. 57]. Иные признаки предмета (назначение, форма, материал) не включаются в номинативное значение лексемы «стол», выражаются в языке не парадигматическими отношениями знаков, а путем контрастирующих связей, осуществляемых в синтагматическом ряду, – письменный, обеденный, овальный, дубовый и т.п. Предикативная сцепка с денотатом дополнительных свойств подводит к оформлению новых номинаций – справочный стол (учреждение), мясной, диетический стол (пища); далее – омонимия – киевский стол.

Квалифицирующей паре «обобщенный – дифференциальный признак» может быть дана сопутствующая интерпретация в содержании слова – исторически сложившееся, социально удостоверенное номинативное лексическое значение, – слово суть единица лексической системы языка, относительное в словесном знаке – внутрисистемная значимость, возникающая при парадигматической противопоставленности другим знакам (группировки слов).

В свою очередь пара «абсолютное – относительное» при проекции на гносеологические штудии способна обслужить различие

- субстанциальность – онтологическая данность;
- функциональность – способ тематизации онтологической данности.

Оттолкнемся от стандартного для семантических руководств примера с Венерой. Помимо этимологической информации: «Венера» соответствует имени римской богини любви Венеры; наиболее «красивой» планете приличествует носить имя красивейшей богини, – циркулирует референциальная информация. Знак (имя, номинация) «Венера» (астрономическое ♀) обозначает планету солнечной системы, находящуюся от центрального тела (звезды) на расстоянии примерно 0.7 а.е. с периодом обращения 224.7 сут, вращения 243 сут, ср. радиусом 6050 км, массой $4.9 \cdot 10^{24}$ кг; ее также именуют «Утренняя звезда», «Вечерняя звезда», «Киприда», «Денница» (в последнем – признаковое смешение: утренняя звезда + заря; собственно «Утренняя заря» есть номинация Авроры).

Уточним: основное значение «Венеры» суть астрономическое значение: ♀ есть планета солнечной системы, которая...; «Киприда» – неосновное значение – возникает на базе признаковой информации о местности отправления божественного культа. Антиномичные номинации «утренняя» – «вечерняя» надстраиваются над сведениями о наблюдаемом небесном теле в разное время суток сопоставительно с введенной системой отсчета. Если не отвергать возможность именовать Венеру «Денницей» (избегая коннотации «звезда – заря»), указанное имя совпадает с «утренней звездой».

Итак, есть основная номинация, привязанная к субстанциальному аспекту значения; есть неосновные номинации, привязанные либо к этимологии («Киприда»), либо к способу идентификации объекта («утренняя», «вечерняя» звезда, «Денница»). Присмотримся к антиномичным номинациям «утренняя – вечерняя». Генеалогия их очевидна: они введены утрированием отношения знака к деятельности, – получены как семантизация результатов операционального уровня, позволяющих проводить отождествление астрономического объекта.

Словоформой Венеры как «утренней звезды» будет имя собственное, совпадающее с адъективом A_1 – «утренняя»; как «вечерней звезды» – имя собственное, совпадающее с адъективом A_2 – «вечерняя». Целокупная «Венера» имеет несовпадающие номинации A_1 и A_2 . Причины? Имена корреспондируют передаваемым понятиями системам признаков, характеризующих разные стороны одного и того же. Разность признаков – разность смыслов, разность устанавливаемых через смыслы значений и их номинирований.

Рефлексия ситуации: один предмет – разные признаки предмета, обуславливающие пролификацию номинаций, обогатила лингвистику введенным В. Гумбольдтом концептом «внутренняя форма слова». Единый и неделимый предмет может обозначаться наименованиями разной внутренней формы (ср.: человек – «животное политическое», «двуногое без перьев», «обезьяна с мягкой мочкой уха», «калиево-натриевый насос»). Венера как A_1 и A_2 остается неизменной (равно и «человек»), изменяются различающиеся по внутренней форме слова ее наименования (означения). В структуре означения, следовательно, уместно выделять значение (соотнесение с объектом); смысл (внутренняя форма обозначения); объем (понятия), под что подводится объект; охват (класс всех возможных вещей, обозначаемых именем).

Применительно к Венере A_1 и A_2 корреспондируют различным типам обстоятельств (утро и вечер как части суток не перепутываемы), – смыслы, сцепляемые с ними, различны и не взаимозаменяемы. Логика трактует денотат как функцию смысла имени: смысл устанавливает единственность денотата. Различие смысловой данности Венеры в предикации через A_1 и A_2 утрирует мысль наличия не только внутренней (сетка признаков), но и внешней формы слова.

Обратимся к ранее проведенному различению значение₁ и значение₂. Первое уподобляется внутренней форме слова, второе – внешней. Первое корреспондирует субстанциальной, второе – функциональной определенности. Первое несет абсолютное значение, второе – относительное. С позиций сугубо знаковой ориентированности словоформы знак «может быть отнесен в коммуникативных целях к предмету «не предусмотренному» закрепленным за словом значением. На этой особенности словесных знаков – своеобразной «игре» между предметной и понятийной отнесенности знака – основывается вторичная номинация, случаи метафорического употребления слов, т.н. «смещенной» речи в дополнительной функции. Дополнительная – вторичная (в отличие от «первичной» – Е. Курилович) функция актуализируется благодаря асимметрии языковых знаков, отображающей символическую природу человека как существа, комбинирующего образными субстанциями, по-разному воплощающими, представляющими свойства действительности.

В нашем случае адъективы A_1 и A_2 используются не в качестве фигур смещенной речи (генеалогия чистых тропов), когда в силу языковой асимметрии одна форма приспособляется для обозначения разных объектов (с выполнением неосновных функций – семасиологический аспект – и возникновением косвенных номинаций – ономасиологический аспект), – здесь они используются в качестве передачи разнящихся видов отношения знака к реальности (операциональная генеалогия вычленения признака, фиксируемого адъективом).

Спроецированная на проблему референции, мешкотная дихотомия значение₁ – значение₂ востребует некоей онтологической версификации. Значение₁ в гносеологической плоскости на языковом уровне фиксируется денотатом, на предметном уровне – референтом. В сущности, адъективы A_1 и A_2 как языковые выражения несут разные предметные образы (утреннее – вечернее небесное тело), которые, в свою очередь, соотносятся с одним предметным референтом – астрономическим ♀.

Резюмируя сказанное, подчеркнем: назывные полнозначные словоформы имеют мощный предметный потенциал, обозначают класс предметов, подводимых под содержание и подпадающих под объем понятия. Если понятийная отнесенность превалирует над предметной, имя (слово), передавая общее понятие, приобретает ранг категории (гиперонима), ассоциируя систему более частных обстоятельств, обозначаемых менее общими именами: тело – планета, звезда, организм, корпус. Если предметная отнесенность доминирует над понятийной, развертывается содержательно достаточно узкая лексика, где имена передают специализированные названия предметов (в именах собственных «утренняя», «вечерняя» звезда денотат превалирует над концептом).

Значение₂, отмечалось выше, удостоверяет не предметную, а знаковую ценность, определяется этимологическими и внутрисконструктурными (морфология, синтаксис) соображениями. Такова же значимость функциональных знаков (союзы, артикли, предлоги), имеющих минимальный содержательный потенциал и не соотносящихся с действительностью.

Существование в природе слова абсолютных и относительных, субстанциальных и функциональных определений создает мощные возможности трансформации словесного материала по основаниям

- лексическому – лексико-семантические варианты (ЛСВ);
- означающему – фонетические, фонеморфологические варианты;
- грамматическому – морфологические варианты (словоформы);
- прагматическому – стилистические, диалектные, социолектические варианты;
- генеалогическому – этимологические варианты (дублиеты).

Проблема значения – проблема отношения наименования – суть проблема замены одного имени другим именем объекта, – приобретает оттенок антиномии в применении принципа взаимозаменяемости к неэкстенциональным контекстам. В самом деле, как отмечал Рассел, если a тождественно b , то все истинное об одном, истинно о другом; каждое из них может заменяться другим в любом суждении без изменения его истинностных значений. В качестве иллюстрации (антиномии синонимичности) – хрестоматийный пример «Вальтер Скотт» и «автор Веверлея», – предложение: «Георг IV хотел знать, был ли автором Веверлея Скотт». Если на основе истинного предложения тождества «автор Веверлея» заменяется «Скоттом», – возникает сложность, связанная с косвенным употреблением имени: денотатом становится то, что при прямом употреблении имени было смыслом. А именно: «Вальтер Скотт» и «автор Веверлея» имеют один денотат, но разный смысл; при замене одного имени другим возникает нарушение истинности (нарушается принцип тождества).

С позиций логики устранение антиномии связывается с ограничением языковой свободы – предложением толковать эквивалентность имен с позиций экстенциональных отнесений; при введении косвенных имен пользоваться кавычками; различать эквивалентность и L-эквивалентность.

С позиций гносеологии следует различать слово в номинативной и дефинитивной функции. В первом случае оно – средство обозначения, «простой знак»; во втором – средство логического определения, «научный термин» [3, с. 12–13]. Наш эпизод: слово в функции средства обозначения – простого знака. При произнесении слова в процессе речи у говорящего и слушающего всплывают некие образы, именуемые денотатами. В ранее рассмотренном словесном материале возникли два адъектива A_1 и A_2 , знаковая форма которых (и внутренняя, и внешняя форма слова) вызывает разные образы. Совершенно ясно, что образы «утренней» и «вечерней» звезды – разные. Никто не отваживается называть их денотатами. Предпочитают говорить о разных смыслах, относящихся к одному денотату. Мы предлагаем быть более последовательными, – наделять лексические значения не только смысловой, но и предметной атрибутикой.

За выражениями «утренняя» и «вечерняя» скрываются разные предметные обстоятельства, конкретизируемые сопутствующими именами; утро – рассвет, восход Солнца; перен. детство, юность, начало жизни; вечер – сумерки, полутьма, закат Солнца; перен. старость, завершение жизни; – которые можно истолковывать традиционно: различия в смысле, но можно – как предметные образы, т.е. значения.

Мы не разделяем позиции Л. Ельмслева, по которому лексические значения «есть не что иное, как искусственно изолированные контекстуальные значения...» [5, с. 303]. Лексические значения, демонстрирует сравнение адъективов A_1 и A_2 , не искусственны; заданные внутренней и внешней формой слова, корреспондируют разным отображенным реалиям (предметные образы), проецируемым на материальные объекты.

Непосредственное значение знака (адъективы A_1 и A_2) – не материально. Означаемое (денотат) гносеологически выставляется не вещью, а осознаваемым – когнитивной конструкцией (предметным образом). Не случайно стойки, толкуя означаемое в терминах не вещного, но постигаемого, вводили $\bar{p}eton$. Отношение предметного образа (под адъективами A_1 и A_2) к предмету (\bar{p}) уточняется по генеалогии A_1 и A_2 , т.е. операционально. Отношение предметных образов ($\bar{p}eton$) «Вальтер Скотт» и «автор Веверлея» уточняется по логической дистрикции эквивалентности и L-эквивалентности: если «S» L-обозначает «Вальтер Скотт», то «S» не L-обозначает «автор Веверлея».

В деле установления отношений между предметными образами (денотатами) и собственно предметами помимо сказанного немаловажную роль играют представления об актуальном и потенциальном. В качестве иллюстративного озаботимся: был ли Л. Н. Толстой автором «Войны и мира»? Вопрос, как ни странно, не имеет однозначно положительного прямого ответа. Возникают проблемы идентификации, во-первых, автора (а), во-вторых, произведения (в).

(а) Автором «Войны и мира» как романа является Л. Н. Толстой – тот, кто актуально (в действительности) обогатил мировую литературу эпопеей, но может быть иное лицо – как полный однофамилец – двойник (тезка) – Л. Н. Толстой – тот, кто потенциально (в возможности) обогатит мировую литературу новой одноименной эпопеей, так и «не-Л. Н. Толстой», напишущий одноименный роман. (Фактически «Л. Н. Толстой» оппонирует кругу лиц «не-Л. Н. Толстой», «Толстых – неТолстых»).

(в) «Война и мир» может быть литературным, а может быть нелитературным произведением, – кинолентой, полотном, скульптурной группой, сценической постановкой и т.д. Опять-таки ее исполнителем как неромана может быть и «Л. Н. Толстой» и «Толстой-неТолстой».

(Фактически «Война и мир» оппонирует кругу литературно-нелитературных произведений «Война и мир», выполненных «Толстыми – неТолстыми»).

Возможность дробления, умножения предметных образов вследствие толкования знаков актуализирует процедуру отнесения всего их охвата к вещественному универсуму, – процедуру, получающую исполнение в створе смыслового удостоверения.

Смысловая данность. Смысл, отмечалось выше, суть внутреннее содержание (концепт) знака, несущее информацию об обозначаемом знаком предмете. Существо подобной информации, отмечалось также, – двоякое: лингвистическое и нелингвистическое. В свою очередь лингвистический информационный пласт знаковых выражений не сводится к семиотическому. В который раз выделим: синтаксис семантичен, семантика синтаксична. Знаки толкуются; толкованиям придаются знаковые удостоверения во всех регистрах знаковой истории. Ограничимся немногочисленными эмпирическими свидетельствами проникания содержательного в формальное – диспозицией языка к формам восприятия адаптированной к понимание действительности.

Синтаксический план. Солидный материал указанного рода поставляют языки примитивного человека, избыточные богатством конкретных обозначений, передачи деталей состояния мира посредством умножения поголовья словоформ. В языке абипонов два вида множественного числа – для небольшого и большого количества предметов. Алеуты варьируют слово четырьмя способами (по времени, наклонению, лицу), нацеливая на нюансировку значения. Фактически комбинируются не смыслы, а образы предметов, для чего плодятся синонимы, детализирующие репрезентацию черт сущего. Фразы привязываются к выражению отношений предметов в пространстве: в отсутствии родо-видовых классификаций генерализации заменяются индивидуализациями, сцепленными с ними именами собственными, остенсивами. За неимением числительных, понятий последовательности практикуется: а) антропоморфизация счета (образование числительных из движений руки); в) предметная привязка исчисления – «считать» означает «пересчитывать что-то»; если этого чего-то (голов скота) в одних руках в качестве собственности не бывает, счет прекращается. Объем актуализируемых понятий определяется не логическими операциями «сужение – расширение» через включение или исключение признаков, а сугубо выделением детерминативов, конкретизаторов, дейктических знаков, *nomina unica*, адаптирующих семантизацию деиксиса.

Для выражения требования выполнения действия в ряде языков прибегают к услугам имплативов, дезидеративов, облигативов. Для указания наличия сомнения относительно происходящего (известного с чьих-то слов) вводят дубитативы, квотативы.

Интересны воплощения идеи времени. В семитских языках отсутствует различие трех времен; заменой оказывается контраст законченного и незаконченного действия. (Во временной логике задается оценка истинностных значений в токе времени. Есперсен различает моменты речи; события; ссылки). Тогда как в других языках в схожих целях отмечается генерализация темпорального процесса вплоть до введений абсолютных значений: $2 \times 2 = 4$ всегда; люди смертны – настоящее абсолютное (надвременность, вневременность, сверхвременность).

Позиции словоформы с нулевой флексией «стул» (в лексике цивилизованных людей) в именительном и винительном падежах устанавливаются в пределах синтаксической оценки с семантически отягощающей идентификацией их роли в структуре пропозиций; для идентифика-

ции же специальной омонимической формы «стул» востребуются нетривиальные семантические усилия. Схожие усилия востребуются при проведении межсловной дифференциации: пыл – пыль; bit-bi:t; mæn-men, показывающей, что материальная сторона знака обладает смысло-различительной ценностью.

Характерны семантические словоразделы в воплощении идеи повеления в случае употребления модальных глаголов:

- иди, идем – let go;
- приказываю идти – order to go;
- должен идти – must go;
- следует идти – should go.

Констативы допускают истинностные оценки; перформативы – нет.

Грамматически корректно оформленные пропозиции в случае рассогласования планов выражения и содержания способны нести бессмыслицу, бессвязицу, бестолковую чушь; рельефные примеры подобного рода приводят Щерба, Карнап.

Непосредственное присутствие толковательного элемента просматривается в применении суффиксов: кот – котяра; собака – собачище – собачонка; оценочных сем: мебель – рухлядь; идти – плестись, тащиться; признаков сем: он – сущий дьявол; дескрипций: он заболел – надо лечить, я волнуюсь; эллипсисов: у него температура; каков доклад? бодяга!

Семантические обременения наводят морфемы. Префикс «при» обозначает сему «приближение»; корневая морфема «ход» – сему «пешком» (хотя малый ход, тихий ход).

На базе тех же (семантических) резонансов производится оценка звукотипов (фонем как коммуникативных единиц) – через идентификацию территориально-диалектной информации; жанрово-стилистического назначения текстов; тоновым выделением (слогов, слов – различение аллофонов и фонем: творòг – твóрог; мука – мўка).

Таково же экспрессивно-интонационное (вербальная коммуникация), экспрессивно-пунктуационное (эпистолярная коммуникация) сопровождение языкового материала. Как в том русском политическом анекдоте.

20-е годы: «Как вы живете?»

Начало 30-х годов: «Как вы? Живете?»

1937 год: «Как! Вы живете?» [2, с. 137]

Интонационные, пунктуационные различители создают ткань текста. Точка, вопрошание, восклицание, красная строка, интерлинейный пробел, астерикс, пунктуационные отклонения и т.д. – несут смысловую нагрузку, – суггестивную, функционально-стилистическую, модально-стилистическую, эмотивно-ситуационную.

С антропоморфными аналогиями аборигенов коннотируют антропоморфизмы цивилизованных людей: ручка двери; кислота ест; – или, напротив, предметные уподобления: глазное яблоко; голова – котелок, чердак, крыша.

Типичное проявление семантизации – уменьшение/увеличение субъектной валентности от: «я читаю книгу, строю дом» до редукции актанта «книга читаема», обезличения «книга прочитана», применение возвратных форм «дом строится» (ср.: испортить – испортиться). Здесь же – прямые и не прямые значения слова: поехала машина – поехала крыша; сойти с дороги – сойти с нарезки; съехать с горки – съехать с катушек. (Максимально нетривиальный казус: «призываю к стабильности» – «твой призыв к стабильности – полный стабилизец!»)

Отмечается корреляция звукосочетаний с понятийными значениями, заложенными в словах с определенным корнем. Скажем: Екатерина – «кат»: катить, катать, укатить, укатать, кататься. В народном фольклоре к 7 декабря – дню великомученицы Екатерины приурочены присловья: Катерина на санях катит к зимнему Егорью в гости; Катеринин день пришел – катанье привел; на Катерину кататься – не завязнешь! etc.

Семантический план. Уяснение многовекторности смыслового измерения языкового пространства сфокусируем на столь тонкие ветвления понятийного строя, как фигуры слова, приспособленные к выражению фигур мысли.

Семантические преобразования с логической точки зрения отображают логические отношения 5 базовых видов:

- равнообъемность, тождество, сходство – языковая синонимия: темный – смуглый – черный;
- внеположенность – языковое смещение: лат. висса (щека) – фр. bouche (рот);
- контрадикторность – языковая антиномия: темный – светлый;
- подчинение – языковое расширение/сужение – от рода к виду и vice versa: стол – мебель (расширение); фрукт – слива (сужение);
- перекрещивание – языковой перенос: по скрытому уподоблению – метафора; по гиперболизации признака – метонимия; по смежности – синекдоха и т.д. (солдат – армия; темно – ночь).

Семантические преобразования с лингвистической точки зрения отображают когнитивные процессы интеграции и дифференциации – разбиение словоформ по классам в зависимости от ассоциации признаков. Своеобразных ассоциативных кластеров, как показывает анализ разных лексико-семантических групп, не так много. «Иерархия дифференциальных признаков, – утверждает Гак, – включает не более 4–5 ступеней, причем слова, находящиеся внизу иерархии и различающиеся минимальными дифференциальными признаками, употребляются сравнительно редко»; в обыденной речи они применяются как синонимы либо подвергаются генерализации [4, с. 329].

Для обозначения того, что не имеет названия, не осваивается ресурсом синонимии, не подвергается семантическому опрощению, используют тропный слог, актуализируют метафору. Храбрый человек становится «львом»; дорога начинает «змеиться»; стол обретает «ножку»; человек выступает как большая «лиса». Налицо рассогласованность по многим параметрам – от предметных до грамматических (ср.: он прибывает (наст. вр.) завтра (буд. вр.) – несогласованность глагола с обстоятельством). Здесь когнитивно оправданно фиксировать применение языкового элемента в несобственной функции (косвенная номинация), позволяющей покрывать дефицит языковых удостоверений. Хороший пример – квалификация в народном сознании добрачно-брачного состояния русской женщины в птичьей лексике: перепелочка – девочка; лебедушка, павушка – девушка на выданье; уточка – просватанная девушка, невеста; курица – замужняя. Есть и иные варианты в лексике анимализма: птичка, рыбка, мышка, лошадь, коза, овца, корова, пантера, львица, змея и т.д.

Мысль, высказываемая многими, которую следует считать переломной, заключается в том, что выражение смыслового содержания производится на всех уровнях словесной организации: фонологической, морфологической, лексематической, лексико-семантической. Язык

есть не формально-алгоритмическая машина по производству текстов, а средство человеческого общения, способ заявления особой формы мышления, связывающей представительные, изобразительные, выразительные возможности с знаниями о действительности.

Смысловая природа языка сказывается во всех регистрах самозаявления homo loquens, называемого также homo loquens sapiens. Способность пользоваться языком – в стандарте – говорить – характеризует фундаментальный признак разумности. Многоразличные проявления языковых расстройств – алалия, алексия, афазия – свидетельствуют о прямой коррелированности первого со вторым: расстройство языковой функции имплицитно свидетельствует о расстройстве функции когнитивной.

Язык выступает консолидированным множеством не только синтаксических, но и денотативно-семантических, прагматических единиц, удовлетворяющих предметно-смысловым и коммуникативным отношениям, определяемым не исключительно композиционно-логическими, а и структурно-онтологическими и экзистенциальными связями, атрибутивными не «текстам», но действительности.

Литература

1. Белоусов К. И. *Синергетика текста*. М.: Эдиториал УРСС, **2008**. 248 с.
2. Береговская Э. М. *Очерки по экспрессивному синтаксису*. М.: Рохос, **2004**. 204 с.
3. Виноградов В. В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Л.: Учпедгиз, **1947**. 784 с.
4. Гак В. Г. *Языковые преобразования*. М.: Языки славянской культуры, **1998**. 768 с.
5. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // *Новое в лингвистике*. Вып. 1. М., **1960**.
6. Звегинцев В. А. *История языкознания XIX–XX веков*. М.: Просвещение, **1964**.
7. Ильин В. В. *Теория познания. Символика. Теория символических форм*. М.: изд-во Московского университета, **2013**. 384 с.
8. Уфимцева А. А. *Типы словесных знаков*. М.: Эдиториал УРСС, **2004**. 206 с.

Поступила в редакцию 03.02.2017 г.

После доработки – 17.02.2017 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2017.1.1

Comprehension of the text: epistemological analysis

© V. V. Ilyin

*Bauman Moscow State Technical University
Building 1, 5 Vtoraya Baumanskaya Street, 105005 Moscow, Russia.*

Email: vvilin@yandex.ru

Phenomenological understanding is implemented as a two-phased act of attribution and identification of symbolic meanings. The theming of understanding as a mental process is engaged in semantics. On the formal side it looks so that signs (words, phrases, utterances) – the associations, populations of abstract symbols – must be “translated” into substantive language in order to gain semiological, substantial, and meaningful identity. It is the task of semantics to work out the rules for such translation of symbolic expressions from symbolic to lexical-substantive-conceptual language – a responsible movement from the abstract symbolization to specific identification. The identification has three aspects: semiological (personality and identity constituted by sociality–communication experience–significative value of symbolic forms), substantive (reification of signs), and semantic (mental theming, conceptualization of signs). The procedure of establishing the meaning is not semiotic; meaning, the truth of the characteristics of linguistic expressions constituents by appealing to non-linguistic values accumulating “supertext” information about the world. This procedure is defined by material coherence of the symbolicalness and the substantiveness, providing the link between language and objective thinking.

Keywords: text, comprehension, meaning, symbolic meaning.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. Comprehension of the text: epistemological analysis // *Liberal Arts in Russia*. 2017. Vol. 6. No. 1. Pp. 3–17.

References

1. Belousov K. I. *Sinergetika teksta [Text synergetics]*. Moscow: Editorial URSS, 2008.
2. Beregovskaya E. M. *Ocherki po ekspressivnomu sintaksisu [Essays on expressive syntax]*. Moscow: Rokhos, 2004.
3. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [The Russian language. Grammatical teaching about the word]*. Leningrad: Uchpedgiz, 1947.
4. Gak V. G. *Yazykovye preobrazovaniya [Language transformations]*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 1998.
5. El'mslev L. *Novoe v lingvistike*. No. 1. Moscow, 1960.
6. Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov [History of linguistics of the 19th–20th centuries]*. Moscow: Prosveshchenie, 1964.
7. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form [The theory of knowledge. Symbology. The theory of symbolic forms]*. Moscow: izd-vo Moskovskogo universiteta, 2013.
8. Ufimtseva A. A. *Tipy slovesnykh znakov [Types of linguistic signs]*. Moscow: Editorial URSS, 2004.

Received 03.02.2017.

Revised 17.02.2017.